

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ / ORIGINAL ARTICLES

HISTORY OF EVERYDAY / ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

DOI: <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2023-36-3-8-18>
УДК 94(47+57)

**О ПРИЧИНАХ ВСТУПЛЕНИЯ В КОЛЛЕКТИВНЫЕ ХОЗЯЙСТВА В 1918-1928 ГГ.:
МЕЖДУ ЭНТУЗИАЗМОМ И ЭКОНОМИЧЕСКИМИ ИНТЕРЕСАМИ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ)**

Александр А. Выгузов

*Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина,
ул. Интернациональная, д. 33, Тамбов, 392000, Российская Федерация*

Аннотация

Введение. Исследование посвящено актуальной проблеме восприятия деревенским населением системных социально-экономических изменений в условиях аграрных преобразований. Анализ побудительных крестьян при вступлении и организации колхозов раскрывает баланс их экономических и эмоциональных мотивов, позволяет более глубоко проанализировать различные стратегии поведения. Новизна заключается в том, что изучаемая проблема является малоизученной, а целый ряд документов вводится в научный оборот впервые. **Материалы и методы.** Основными источниками послужили материалы как местных, так и региональных архивов. Методологической основой исследования является комплекс общенаучных, специальных исторических методов, а также теория модернизации. **Результаты.** Коммуны, артели и товарищества по совместной обработке земли стали формироваться в первые месяцы после завершения революционных событий 1917 г. Они отличались по способу организации производства и особенностям распределения доходов. Коммуны выделялись и тем, что в них кроме средства производства обобществлению подлежал и быт. Такой советский коллективизм, во многом, противоречил традиционным установкам деревни и не соответствовал социально-экономическим процессам, происходившим в тамбовской деревне на рубеже 1917-1918 гг. Разгоравшаяся «общинная революция» сопровождалась «замыканием» и «отмежеванием» крестьянства от внешнего мира. Большевики, напротив, стремились ослабить традиционные институты деревни, вовлечь земледельцев в процесс коллективного строительства. Крестьянский мир встретил новые для них формы аграрного производства с недоверием. Потребовалось несколько лет, чтобы местное население увидело ряд преимуществ от вступления в коллективные хозяйства. Социальный состав коммун, артелей и товариществ по совместной обработке земли был представлен различными группами представителей города и деревни, но преобладающей стратой были крестьяне. **Заключение.** Первыми организаторами коллективных хозяйств выступали, в основном, коммунисты и пробольшевистски настроенные слои деревни, в том числе беднейшие слои деревни. Если на первых этапах экономические мотивы участия в организации и жизнедеятельности

тельности коллективных хозяйств сочетались с «революционным энтузиазмом», то к завершающему этапу новой экономической политики материальные интересы возобладали над другими причинами. В период нэпа «лжеколхозы» становятся одной из самых распространенных форм приспособления материальных стимулов традиционной деревни к реалиям советской аграрной политики. Кроме того, «лжеколхозы» были концентрированным выражением индивидуалистических устремлений крестьянства, объединением экономических интересов за ширмой которых, зачастую, скрывались коллективистские формы организации труда. Вплоть до начала реализации политики «сплошной коллективизации» подавляющее число крестьянских дворов сохраняло верность общинной форме ведения сельскохозяйственного производства.

Ключевые слова: колхозы, тамбовская деревня, индивидуализм, коллективизм, новая экономическая политика

Оригинальная статья.

Для цитирования: Выгузов А.А. О причинах вступления в коллективные хозяйства в 1918-1928 гг.: между энтузиазмом и экономическими интересами (по материалам Тамбовской губернии) // История: Факты и символы. 2023. № 3 (36). С. 8-18. <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2023-36-3-8-18>

Статья поступила: 14.05.2023

Статья принята в печать: 29.08.2023

Статья опубликована: 22.09.2023

© Выгузов А., 2023

**ON THE REASONS FOR JOINING COLLECTIVE FARMS IN 1918-1928:
BETWEEN ENTHUSIASM AND ECONOMIC INTERESTS
(BY THE MATERIALS OF THE TAMBOV PROVINCE)**

*Alexander A. Vyuzov
Derzhavin Tambov State University,
st. Internationalnaya, 33, Tambov, 392000, Russia*

Abstract

Introduction. The study is devoted to the actual problem of perception by the rural population of systemic socio-economic changes in the context of agrarian transformations. An analysis of the motives of peasants when joining and organizing collective farms reveals the balance of their economic and emotional motives, and makes it possible to more deeply analyze various strategies of behavior. The novelty lies in the fact that the problem under study is poorly understood, and a number of documents are introduced into scientific circulation for the first time. **Materials and methods.** The main sources were materials from both local and regional archives. The methodological basis of the research is a complex of general scientific, special historical methods, as well as the theory of modernization. **Results.** Communes, artels and partnerships for the joint cultivation of the land began to form in the first months after the completion of the revolutionary events of 1917. They differed in the way they organize production and in the distribution of income. Communes were also distinguished by the fact that in them, in addition to the means of production, life was also subject to socialization. Such Soviet collectivism, in many respects, contradicted the traditional attitudes of the village and did not correspond to the socio-economic processes that took place in the Tambov village at the turn of 1917-1918. The "communal revolution" that flared up was accompanied by the "closure" and "separation" of the peasantry from the outside world.

The Bolsheviks, on the other hand, sought to weaken the traditional institutions of the countryside and to involve farmers in the process of collective construction. The peasant world met the new forms of agricultural production for them with distrust. It took several years for the local population to see a number of benefits from joining collective farms. The social composition of the communes, artels and partnerships for the joint cultivation of the land was represented by various groups of representatives of the city and the countryside, but the predominant stratum was the peasants. **Conclusion.** The first organizers of collective farms were mainly communists and pro-Bolshevik strata of the countryside, including the poorest strata of the countryside. If at the first stages the economic motives for participation in the organization and life of collective farms were combined with "revolutionary enthusiasm", then by the final stage of the New Economic Policy, material interests prevailed over other reasons. During the NEP period, "false collective farms" became one of the most common forms of adapting the material incentives of the traditional village to the realities of Soviet agrarian policy. In addition, the "false collective farms" were a concentrated expression of the individualistic aspirations of the peasantry, the unification of economic interests behind the screen of which, often, collectivist forms of labor organization were hidden. Right up to the beginning of the implementation of the policy of "complete collectivization", the vast majority of peasant households remained faithful to the communal form of agricultural production.

Keywords: collective farms, Tambov village, individualism, collectivism, new economic policy.
Original article

For citation: Vyguzov A. On the reasons for joining collective farms in 1918-1928: between enthusiasm and economic interests (by the materials of the Tambov province // History: Facts and symbols. 2023. Vol. 36. No. 3, pp. 8-18. <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2023-36-3-8-18>

Received: 14.05.2023

Revised: 29.08.2023

Published: 22.10.2023

© Vyguzov A., 2023

1. Введение

Проблематика изучения причин вступления крестьян в коллективные хозяйства в первое десятилетие с момента установления советской власти имеет важное значение для целостного осмысления процесса аграрного развития России в XX веке. Она позволяет раскрыть внутренние, побудительные мотивы крестьянства, представлявшие устоявшийся патриархальный мир, выходить из общин и вступать в коллективные хозяйства, выявить различные стратегии их поведения.

В различные периоды к данной теме обращались А. А. Биценко [2], В. В. Гришаев [12], С. А. Есиков [13], В. В. Бабашкин, И. В. Гончарова [1], А. А. Иванов, А. А. Соловьев [14] и др. В целом же изучаемая проблема остается малоизученной и требует более глубокого выявления и анализа новых источников. В данной статье проведен комплексный анализ изучаемой темы на материалах Тамбовской губернии.

2. Материалы и методы

Данное исследование посвящено теме, имеющей общероссийское значение, но фокусируется на социально-экономических процессах, протекавших в тамбовской деревне. Именно поэтому основным источниками данного исследования послужили материалы центральных архивов, так и тамбовских архивов. В частности это документы из Государствен-

ного архива социально-политической истории Тамбовской области: фонды П-834 (Козловский уездный комитет ВКП(б)), П-837 (Кирсановский уездный комитет ВКП(б)) и П-840 (Тамбовский губернский комитет ВКП(б)) и Р-1. Государственного архива Тамбовской области (Исполнительный комитет Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Тамбовской губернии). Кроме того, были привлечены документы из фонда 478 Российского государственного архива экономики (Народный комиссариат земледелия СССР). В привлеченном массиве документальных источников представлен достаточно широкий набор материалов, позволяющих наиболее широко раскрыть изучаемую тему.

Методологической основой исследования является комплекс общенаучных, специальных исторических методов, а также теория модернизации. Микроисторический подход позволил на примере отдельного региона раскрыть основные мотивы местного крестьянства при вступлении в коллективные хозяйства.

3. Результаты

На рубеже 1917-1918 гг. в тамбовской деревне стали организовываться первые коллективные хозяйства. Они были представлены тремя формами организации: коммунами, артелями и товариществами по совместной обработке земли. Их отличала различная степень обобществления средств производства, а также способы распределения доходов. Если в коммунах объединялись все средства производства, в сельскохозяйственных артелях – основные средства производства и полевая земля, то в товариществах по совместной обработке земли лишь земельные угодья, обрабатывавшиеся совместно. Коммуны выделялись среди других форм ведения коллективного хозяйства и тем, что кроме средства производства обобществлению подлежал и быт.

Традиционный крестьянский мир не был готов и не имел желания массово вступать в коллективные хозяйства. Несмотря на поступательный рост в первые послереволюционные годы числа коммун, артелей и тозов, охват числа крестьянских дворов находился на достаточно низком уровне, так как в среднем в коллективах числилось несколько десятков человек.

По социальному составу, например, в первые коммуны вступали представители различных социальных страт деревни и города. «Разработанные по 520 коммуна за 1918-1919 годы данные посемейных списков членов-учредителей дают следующую картину их социального состава: 55,5% – крестьяне-земледельцы, 18,8% – ремесленники и кустари, 14,8% – рабочие, 6,7% – служащие, 4,2% – прочие» [12, с. 20]. Инициаторами создания коммун, зачастую становились «немногочисленные ... партийные ячейки» [12, с. 23], которые «пробивали брешь в частновладельческой психологии крестьянина-бедняка, личным примером убеждали его в преимуществе коллективного ведения сельского хозяйства» [12, с. 23]. Социальное ядро коммун, зачастую, составляли именно коммунисты. Кроме того, в деревне велась агитация. Например, 30 декабря 1920 г. собрание большевиков и сочувствующих Красносельской ячейки Тамбовской губернии постановило провести несколько бесед и чтений для крестьян, где рассказать о важности создания коммун [12, с. 24].

Ниже приведены данные об изменении численности коллективных хозяйств в тамбовской деревне:

Таблица 1. Динамика числа коллективных хозяйств Тамбовской губернии в 1919-1925 гг. / Table 1. Dynamics of the number of collective farms in the Tambov province in 1919-1925 [Источник: 4, с. 47].

Число коллективных хозяйств/ годы	1919	1920	1921	1922	1923	1924	1925
Коммуны	24	19	15	5	11	17	31
Товарищества по совместной обработке земли и артелей	373	265	285	119	169	176	239

Согласно данным таблицы 1, в 1919-1925 гг. наблюдался медленный, но поступательный рост численности коммун, артелей и тозов. Исключение представляет только период Тамбовского восстания, когда коллективные хозяйства подвергались массовому разрушению со стороны повстанцев. В реконструктивный период нэпа под влиянием государственной аграрной политики произошло ускорение роста численности товариществ по совместной обработке земли и артелей. Количество коммун к середине 1920-х гг. стабилизировались. По данным «Тамбовской энциклопедии» к 1928 г. в границах бывшей Тамбовской губернии существовало 162 артелей, 525 тозов и 27 коммун [20].

Наблюдавшаяся динамика роста численности коллективных хозяйств сама по себе не дает ответа на вопрос о степени вовлеченности крестьянских дворов в развитие коммун, артелей и тозов, не позволяет охарактеризовать востребованности вступления населения в них. Для этого требуется более глубокий анализ социально-экономических процессов, протекавших в деревне в изучаемый период, выявить ключевые мотивы крестьян при вступлении в коллективные хозяйства.

Важной чертой нэпа было то, что в колхозах соблюдались свободы вступления и выхода из них членов. Они регламентировались уставными документами и в целом осуществлялись без принуждения со стороны государства. Кроме того, И. В. Гончарова выделяет, что если на начальном этапе коллективные хозяйства формировались под влиянием «революционного энтузиазма» [11, с. 227], то в период новой экономической политики «идейные соображения создания колхозов вытеснялись практическими» [11, с. 229].

Бедняков, зачастую, толкала в колхозы нужда. Зажиточные слои деревни также искали возможности улучшить свое экономическое положение за их счет. А.А. Биценко выделяет ключевые экономические стимулы крестьян при вступлении в колхозы. Коллективная форма хозяйства, или, вернее, стремление к организации коллектива, как отмечает исследователь, возникает, главным образом, в борьбе за землю. «Если сгруппировать все попытки организации коллектива с низов, самими крестьянами, то можно выделить такие основные группировки: 1) организация коллектива с целью общей аренды земли; 2) организация коллектива с целью использовать артельный труд для общей запашки на арендованной земле; 3) организация коллектива, как средства самозащиты от эксплуатации, как средства помощи бедноте. Обычно товарищества по аренде организовали более зажиточные крестьяне» [2, с. 154].

В ряде случаев в деревне, действительно, наблюдался энтузиазм при создании коллективных хозяйств [14, с. 22]. В тамбовской деревне такими примерами могут послужить организация американских коммун «Ира» и «Путь» в Кирсановском уезде. А последующие их хозяйственные достижения привели к тому, что местное население стало относиться к ним «с уважением и доброжелательностью» [6, л. 33-об.]. Как отмечается в протоколе 2-го очередного съезда уполномоченных сельскохозяйственных коммун и артелей Кирсановского уезда Тамбовской губернии 10 марта 1924 г., коммуна «Ира» стала «принимать [в] члены ... местных крестьян» [6, л. 33-об.]. Однако годом ранее она не имела таковой возможности из-за недостатка жилых помещений, хотя заявления о вступлении в нее поступали, - сооб-

шалось 25 февраля 1923 г. в протоколе № 1 съезда сельскохозяйственных коммун Кирсановского уезда Тамбовской губернии [5, л. 2-об.].

Инициативы на местах по созданию колхозов приводили к существенным результатам, если они поддерживались государством. Наиболее успешными примерами является организация таких коммун как упомянутые выше «Ира» и «Путь», а также коммуна «Луч» Козловского уезда. Последняя была организована коммунистом Лазарь Луч-Поповым. В контексте изучаемой проблематики интересно привести некоторые его биографические данные. Лазарь Луч-Попов был родом из села Челново-Покровское Тамбовской губернии. На момент организации ему было более 30 лет. Он участвовал в Русско-японской войне, вел революционную деятельность и побывал в ссылке. После революции 1917 г. стал комиссаром. Затем он был направлен в Тамбовскую губернию, где и стал организатором коммуны [3, с. 3]. Таким образом, революционный энтузиазм при создании коллективных хозяйств, зачастую, опирался на поддержку государства. Попытки одиночек-крестьян агитировать за организацию коллективных хозяйств и без поддержки со стороны властей не давала существенных результатов.

В большинстве случаев традиционная деревня с недоверием встречала как советских агитаторов, предлагавших организовать коллективные хозяйства, так и односельчан, призывавших создать артель, коммуну или товарищество по совместной обработке земли, в том числе «...использовала в своих интересах, преувеличивая неудачи коммунаров и распространяли о них небывлицы» [12, с. 84]. В тамбовской деревне полным ходом шла «общинная революция» и, как следствие, происходило ее «замыкание» и «отмежевание» от внешнего мира [17, с. 125]. Напротив, «большевики, рассматривая крестьянство не как субъект, а как объект в экономической и политической сферах жизнедеятельности государства» [17, с. 126], пытались ослабить традиционные институты деревни, вовлечь земледельцев в процесс коллективного строительства.

А. Л. Окнинский проживавший в 1918-1920-х гг. в Подгорнской волости Борисоглебского уезда в своих мемуарах приводит пример оценки крестьянами попыток создания коллективных хозяйств. Он отмечал, что весной 1920-го г. большевики стали «впервые усиленно агитировать среди крестьян за вступление последних в сельскохозяйственные коммуны, обещая для каждой такой коммуны отвод лучших пахотных земель с сенокосом и пастбищем ... в Подгорнской волости пожелал пойти в коммуну лишь один крестьянин, не из бедных и притом беспартийный, и сам же стал склонять в коммуну других крестьян, в чем, однако, не успел, и дело с образованием коммун в волости было заброшено» [18, с. 173].

В целом насаждавшиеся советской властью в тамбовской деревне коллективные хозяйства воспринимались местными жителями, по воспоминаниям А. Л. Окнинского, как малопонятные и не подходящие для рационального ведения аграрного производства формы. О коммунах крестьянин-середняк в Подгорнской волости говорил так: «Камуна энта нам совсем дело неподходящее. Ведь энта что значит? Ведь энта значит все, что у кажного есть в хозяйстве, вали в общий как бы котел: и лошадей, и коров, и овец, и всю протчую живность; и сохи, и бороны, и телеги, и хомуты, и все, все... И получится потом из всего энтотого похлебка, которой не расхлебаешь» [18, с. 174].

В действительности имелась целая масса бытовых и хозяйственных причин, ограничивавших массовое вступление крестьян в коллективы. На страницах «Тамбовской правды» в 1922 г., например, приводился один из аргументов отказа от вступления в коммуны: ««Бабы» не поладят – будут драться и ругаться» [16]. В другом случае в ходе переезда на новое место в имение Пашино Вишневской волости Козловского уезда коллективного хозяйства «Восход солнца социализма» ряд коммунаров отказалось покидать прежнее местоположение [19, с. 87], несмотря на то, что хозяйственные процессы в нем были хорошо организованы [19, с. 86]. Об этом сообщалось в декабре 1918 г. на I съезде коммун Козловского уез-

да. Видимо, бытовые условия и нежелание покидать родные места стали причинами выхода прежних членов из коллектива.

25 февраля 1923 г. на I съезде сельскохозяйственных коммун Кирсановского уезда Тамбовской губернии сообщалось об особенностях развития данной категории коллективных хозяйств. В частности представители артели «Вперед», организованной в 1920 г., указывал, что она сильно пострадала в ходе восстания. Повстанцы увели скот, а члены артели «расхотелись ... спасаясь от бандитов» [5, с. 3]. Пришлось вновь организовать артель. Таким образом, данная артель нашла поддержку деревни подтвердив готовность крестьян в ней находиться. Предстатель коммуны «Путь» на том же съезде выделял в качестве важнейшего фактора развития коллективного движения наличие опытных инициаторов и «умелого подхода» [5, л. 3-об.] при его организации. Это привлекало в коммуны новых членов. Представитель коммуны «Дружба» выделял важность получения займа при организации продуктивного хозяйства [5, с. 4], из чего можно сделать вывод об открыто транслировавшихся крестьянством своих интересов при вступлении или организации колхозов.

Действительно, основными причинами вступления населения в коллективные хозяйства являлись материальные интересы. Обычно, как сообщалось в протоколе заседания Кирсановской уездной комиссии по пересмотру первичных сельскохозяйственных кооперативных объединений по материалам районных комиссий от 9 июня 1924 г., отсутствовало «стремление к кооперированию» [6, с. 54]. Например, в товариществе «Старо-Кузнецово» при деревне Кузнецовке Соколовской волости претенденты на вступление демонстрировали интерес «эксплуатировать то или другое государственное имущество исключительно для личных целей» [6, 54].

Реалии новой экономической политики позволили достаточно встроиться крестьянству в советские реалии. Нормы «моральной экономики» сосуществовали с советской аграрной политикой изучаемого периода. «Крестьянский конформизм проявился в использовании формы коллективного хозяйства, но при этом его внутреннее содержание не противоречило здравому смыслу, что и обеспечило высокие производственные показатели» [15, с. 47].

Результатом наиболее явного прагматического расчёта при вступлении крестьян в коллективные хозяйства являлась организация на их основе «лжеколхозов». Так, в выписке из протокола № 18 заседания президиума Тамбовского губернского исполнительного комитета совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов от 7 февраля 1926 г. сообщалось, что несмотря на наблюдающийся рост колхозного движения во многом этот рост шел стихийно, без достаточного регулирования, учета и политического воздействия. Последствием этого стало формирование «безуставных» колхозов, колхозов с искаженным уставом, в том числе осуществлявшие торговлю, в также формирование «лжеколхозов» [9, с. 10].

Получение льгот от землеустройства и отвод лучших участков земель [21, с. 63] являлись важными мотивами при создании коллективных хозяйств крестьянами. Такие устремления основывались на одной из стратегий сохранения зажиточной частью деревни своих земельных угодий, превышавших законную норму наделения землей, также заключалась в формировании на их месте «лжеколхозов». Так, «некогда малоземельные крестьяне Воробьёвы из Козловского района Тамбовской губернии, разбогатевшие на отхожих промыслах, в 1904 г. купили 40 дес[ятин]. Чтобы уберечь свой участок от передела, они организовали в 1920 г. колхоз «Новый путь» [1, с. 358].

Такое явление как «лжеколхоз» в период новой экономической политики было достаточно распространенным в тамбовской деревне. Эти «объединения ради использования государственных субсидий, в составе которых, как правило, были родственники, сохраняющие наделы параллельно колхозному участию» [1, с. 360]. Приведен ряд таких примеров. Товарищество по совместной обработке земли Покрово-Марфинский волости Тамбовского

уезда в деревне 8-я Ольховка, организованное в 1923 г., пользовалась к 1927 г. землей чересполосно и в общине [10, с. 53-54]. Сельскохозяйственная артель «Красный лужка» из Токаревской волости Тамбовского уезда, организованная в 1922 г., также вела единоличную обработку, являлось «поселком-единоличником» [10, л. 2-62-об.]. Сельскохозяйственное товарищество «Побуждение» из Старо-Юрьевской волости Козловского уезда также вело единоличную обработку земли [10, с. 54].

Несмотря на поступательный рост численности коллективных хозяйств в тамбовской деревне в период нэпа, численность их членов существенно уступала крестьянам, осуществлявшим единоличное ведение хозяйства. Приведем в качестве примера данные из доклада Кирсановского райсельскосоюза за период с 10 марта 1924 г. по 1 января 1925 г.

Таблица 2. Доля населения Кирсановского уезде, вступившая в коллективные хозяйства (данные на 1 января 1925 г.).

Table 2. Percentage of the population of Kirsanovsky Uyezd that joined collective farms (data as of January 1, 1925).

[Источник: 6, с. 88-об.]

Волость	Численность населения	Количество населения в колхозах	% доля населения, числившегося в колхозах
Пригородно-Кирсановская	29611	980	3,32
Оржевская	25902	3375	11,17
Гавриловская	26444	251	0,95
Осино-Гаевская	18555	717	3,88
Соколовская	27732	2575	9,29
Курдюковская	20365	1571	7,29
Иноковская	30939	1419	4,86
Инжавинская	29493	2317	7,86
Красивская	23308	1874	8,34
Карай-Салтыковская	24707	767	3,1
Градо-Уметская	26194	3961	15,12
Лукинская	26407	305	1,15
Всего	309657	20112	6,4

Данные таблицы 2 демонстрируют, что к началу 1925 г. доля населения в коллективных хозяйствах по различным волостям Кирсановского уезда варьировалась от 15,12% до 0,95% по различным волостям. При этом в рамках губернии эти показатели также различались, но демонстрировали выбор большинством крестьянства общинную форму землепользования. В Тамбовской губернии в 1927 г. в коллективных хозяйствах состояло 0,6% крестьянских дворов, а в 1928 г. – 1,3% хозяйств [13, с. 50-51].

Накануне «широкой коллективизации», как сообщалось с мест, «в головах крестьянского населения произошел большой сдвиг в сторону коллективизации хозяйств» [8, с. 53]. Об этом сообщалось в «Выводах» по Иноковской волости Кирсановского уезда за 1928 г. Однако такая «тяга» полностью вписывалась в стратегии поведения, выработанные в деревне в предыдущие этапы нэпа. Индивидуальный интерес лишь вуалировался коллективистскими устремлениями. Так, 21 мая 1928 г. в докладной записке уполномоченного губкома ВКП(б) и губисполкома Клецменова в бюро губкома ВКП(б), бюро Кирсановского укома ВКП(б) и бюро Совколовской вол. ячейки ВКП(б) сообщал, что стремление боль-

шинства крестьян к коллективизации определялось следующим подходом: «Все должно дать государство, мы не можем (а иногда не хотим) собирать своих средств» [8, с. 109]. Кроме того, ограничивало процесс колхозного строительства отсутствие твердых ассигнований кредитов на переселение, расселение и мелиоративные работы, распутица, отсутствие своевременных уставов и разговоры о близкой войне и мобилизации в первую очередь членов коллективов [8, с. 109].

4. Результаты

Первыми организаторами коллективных хозяйств выступали, в основном, коммунисты и пробольшевистски настроенные слои деревни, в том числе беднейшие слои деревни. Если на первых этапах экономические мотивы участия в организации и жизнедеятельности коллективных хозяйств сочетались с «революционным энтузиазмом», то к завершающему этапу новой экономической политики материальные интересы возобладали над другими причинами.

В период нэпа «лжеколхозы» становятся одной из самых распространенных форм приспособления материальных стимулов традиционной деревни к реалиям советской аграрной политики. С момента создания коллективных хозяйств и до начала политики «широкой коллективизации» крестьянство имело возможность без значительных затруднений создавать и ликвидировать колхозы, входить в них и покидать их.

На начальном этапе советского коллективного движения в качестве мотивов их организации и вступления в них мог выступать энтузиазм, опирающийся на «туманные» перспективы развития, а не реальная нужда. Однако, в последующем, факторы материальной заинтересованности все сильнее выходили на первый план. Особенно ярко это проявилось в конце 1920-х гг., накануне коллективизации, когда решался вопрос о существовании традиционной деревни.

В этот период колхозный сектор, по-прежнему, охватывал незначительную часть крестьянских дворов. Но и вступление в колхоз, во многих случаях, представляло выбор крестьянами комбинированной жизненной стратегии, включавший в себя элементы традиционализма. Они же находили отражение во внутридеревенских противоречиях конца 1920-х гг. при коллективном строительстве и деятельности «лжеколхозов». В этих явлениях и формах проявлялось сочетание индивидуальных интересов с элементами коллективизма, где колхозы, зачастую, выступали ширмой для реализации экономических интересов крестьянства. Такое положение сохранялось вплоть до начала реализации политики «сплошной коллективизации».

5. Заключение

Данные таблицы 1 и другие материалы, привлечённые к данному исследованию, свидетельствуют о медленном, но поступательном росте численности коммун, артелей и тозов в тамбовской деревне в 1918-1928 гг. Однако к 1928 г. в них состояло только 1,3% крестьянских хозяйств, что свидетельствовало о достаточно низком уровне вовлеченности в их развитие традиционной деревни. При этом в первые годы советской власти коллективные хозяйства развивались как под влиянием материальной заинтересованности со стороны крестьян, так и под воздействием энтузиазма. Но в последующие годы на данные процессы все больше влияли материальные стимулы.

Список источников и литературы

1. Бабашкин В.В., Гончарова И.В. (2016) *Эволюция взаимодействия крестьянского двора и коллективных хозяйств в 1920 – начале 1930-х гг. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2016. № 1. С. 357-364.*
2. Биценко А.А. (1929) *К вопросам теории и истории коллективизации сельского хозяйства СССР. М.: Книгоиздат, 1929-165 с.*

3. ГАСПИТО (Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области). ГАСПИТО. Ф. П-834. Оп. 1. Д. 1084.
4. ГАСПИТО. Ф. П-840. Оп. 1. Д. 2958.
5. ГАСПИТО. Ф. П-837. Оп. 1. Д. 899.
6. ГАСПИТО. Ф. П-837. Оп. 1. Д. 1031.
7. ГАСПИТО. Ф. П-837. Оп. 1. Д. 1308.
8. ГАСПИТО. Ф. П-837. Оп. 1. Д. 1470.
9. ГАТО (Государственный архив Тамбовской области). Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1439.
10. ГАТО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1778.
11. Гончарова И.В. (2009) *Коллективные хозяйства Центрального Черноземья в 1920-е гг. // Экономическая история: ежегодник*. М.: РОССПЭН. 2009. С. 221-237.
12. Гришаев В.В. (1976) *Сельскохозяйственные коммуны Советской России 1917-1929*. М.: Мысль, 1976. 188 с.
13. Есиков С.А. (2005) *Коллективизация в Центральном Черноземье: предпосылки и осуществление (1929-1933 гг.)*. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2005. 122 с.
14. Иванов А. А., Соловьев А.А. (2016) *Колхозы в доколхозной деревне Марийской автономной области (1920-е годы) // Вестник Марийского государственного университета*. 2016. Т. 2. № 1 (5). С. 21-27.
15. Казьмина М.В. (2017) *Политические кампании 1929 г. и их роль в расколе крестьянства Кузнецкого округа // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки*. 2017. № 2 (14). С. 43-51
16. Тамбовская правда. (1922 г.) 14 сентября
17. Николашин В.П. (2020) *Политическая борьба и конфликтность в черноземной деревне (1917-1920 гг.) // История: факты и символы*. 2020. № 2 (23). С. 121-127.
18. Окнинский А.Л. (1998) *Два года среди крестьян*. М.: Русский путь, 1998. 272 с.
19. РГАЭ (Российский государственный архив экономики). Ф. 478. Оп. 5. Д. 8.
20. Тамбовская энциклопедия. 2020. URL: <https://tambweb.ru/%D0%9A%D0%9E%D0%9B%D0%A5%D0%9E%CC%81%D0%97%D0%A> В. (Дата обращения: 17.02.2023).
21. Яцкевич Е.В. *Коллективные хозяйства Урала в 1920-е гг.: численность, состав, экономическое положение // Гуманитарные науки в Сибири*. 2009. № 2. С. 60-64.

References

1. Babashkin V.V., Goncharova I.V. (2016) *Evolyuciya vzaimodejstviya krest'yanskogo dvora i kollektivnyh hozyajstv v 1920 – nachale 1930-h gg.* [The evolution of the interaction of the peasant household and collective farms in the 1920s - early 1930s] in Yearbook on the agrarian history of Eastern Europe, 2016, 1, 357-364. (in Russian).
2. Bitsenko A.A. (1929) *K voprosam teorii i istorii kollektivizacii sel'skogo hozyajstva SSSR* [To questions of the theory and history of the collectivization of agriculture in the USSR]. Moscow, Knigoizdat, 1929-165. (in Russian).
3. State archive of socio-political history of the Tambov region (GASPITO). GASPITO. F. P-834. Op. 1. D. 1084. (in Russian).
4. GASPITO.F. P-840. Op. 1. D. 2958. (in Russian).
5. GASPITO. F. P-837. Op. 1. D.899. (in Russian).
6. GASPITO. F. P-837. Op. 1. D. 1031. (in Russian).
7. GASPITO. F. P-837. Op. 1. D. 1308. (in Russian).
8. GASPITO. F. P-837. Op. 1. D. 1470. (in Russian).
9. State archive of the Tambov region (GATO). F. R-1. Op. 1. D. 1439. (in Russian).
- 10.GATO. F. R-1. Op. 1. D. 1778. (in Russian).

11. Goncharova I.V. (2009) *Kollektivnye hozyajstva Central'nogo CHernozem'ya v 1920-e gg.* [Collective farms of the Central Chernozem region in the 1920s] in Economic history: a yearbook, Moscow, ROSSPEN 2009, 221-237. (in Russian).
12. Grishaev V.V. (1976) *Sel'skohozyajstvennye kommuny Sovetskoj Rossii 1917-1929.* [Agricultural communes of Soviet Russia 1917-1929]. Moscow, Thought, 1976-188. (in Russian).
13. Esikov S.A. (2005) *Kollektivizaciya v Central'nom CHernozem'e: predposylki i osushchestvlenie (1929-1933 gg.).* [Collectivization in the Central Chernozem Region: prerequisites and implementation (1929-1933)]. Tambov: Publishing House Tamb. state tech. university, 2005 -122 p. (in Russian).
14. Ivanov A.A., Solovyov A.A. (2016) *Kolhozy v dokolhoznoj derevne Marijskoj avtonomnoj oblasti (1920-e gody)* [Collective farms in the pre-collective farm village of the Mari Autonomous Region (1920s)] in Bulletin of the Mari State University. 2016. 2, № 1(5), 21-27. (in Russian).
15. Kazmina M.V. (2017) *Politicheskie kampanii 1929 g. i ih rol' v raskole krest'yanstva Kuzneckogo okruga* [Political campaigns of 1929 and their role in the split of the peasantry of the Kuznetsk district] in Bulletin of the Omsk University. Series: Historical Sciences. 2017, 2(14), 43-51. (in Russian).
16. Tambovskaya Pravda. (1922) 14 Sentyabrya. (in Russian).
17. Nikolashin V.P. (2020) *Politicheskaya bor'ba i konfliktnost' v chernozemnoj derevne (1917-1920 gg.)* [Political struggle and conflict in the black earth village (1917-1920)] in History: facts and symbols. 2020. №. 2 (23). 121-127. (in Russian).
18. Okninsky A.L. *Dva goda sredi krest'yan.* (1998) [Two years among the peasants]. Moscow, Russian way, 1998 - 272 p. (in Russian).
19. Russian State Archive of Economics (RGAE). F. 478. Op. 5. D. 8. (in Russian).
20. Tambov encyclopedia (2020). URL: <https://tambweb.ru/%D0%9A%D0%9E%D0%9B%D0%A5%D0%9E%CC%81%D0%97%D0%A> B. (Accessed: 02/17/2023). (in Russian).
21. Yatskevich E.V. (2009) *Kollektivnye hozyajstva Urala v 1920-e gg.: chislennost', sostav, ekonomicheskoe polozhenie* [Collective farms of the Urals in the 1920s: number, composition, economic situation] in Humanitarian sciences in Siberia. 2009, 2, 60-64. (in Russian).